

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. А. Дмитриев. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках.....	7
РАЗДЕЛ I. Порядки и структуры знания: от гуманизма к Просвещению.....	39
Глава 1. <i>П. Соколов.</i> Генеалогия метода в науках об историческом мире	41
Глава 2. <i>Ю. Иванова.</i> «История идей» и «гражданская наука»: границы дисциплинарности в раннее Новое время	53
Глава 3. <i>Н. Осминская.</i> Всеобщая наука, энциклопедия и классификация наук в ранней философии Г.В. Лейбница.....	74
РАЗДЕЛ II. Золотой век дисциплиностроительства.....	103
Глава 4. <i>Л. Дастон.</i> Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания	105
Глава 5. <i>П. Резвых.</i> Мифология как предмет и дисциплина в романтической <i>Altertumswissenschaft</i>	124
Глава 6. <i>В. Боярченков.</i> Наука русских древностей в первой половине XIX в.	157
Глава 7. <i>В. Берелович.</i> Морфология зачина: жанр предисловия к очерку русской истории (от Татищева к Багалею)	187
Глава 8. <i>М. Тисье.</i> Высокостатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в.	207
Глава 9. <i>Г. Юдин.</i> Наукоучение Эдмунда Гуссерля и кризис теории разделения наук	240
Глава 10. <i>И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семёнов.</i> Российская социология в имперском контексте	263
Глава 11. <i>А. Ясницкий.</i> Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX в.	299

Глава 12. А. Филиппов. Советская социология как полицейская наука.....	330
Глава 13. Р. Тоштендаль. Дисциплины и специалисты в практических профессиях и в исследовательской деятельности (ок. 1850–1940 гг.).....	349
РАЗДЕЛ III. «После дисциплин» или новая дисциплинарность?	373
Глава 14. Г. Юдин. Социология профессий и социология как профессия.....	375
Глава 15. Б. Степанов. «Как беззаконная комета...»: культурные исследования в поисках академической идентичности	389
Глава 16. И. Савельева. Публичная история: дисциплина или профессия?	421
Глава 17. В. Файер. Академический сепаратизм: лингвистика и языкознание в Московском университете	452
Глава 18. М. Дёмин. Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России.....	483
Глава 19. Р. Капелюшников. Стратегии поведенческой экономики.....	508
Глава 20. О. Кирчик. Транснациональные иерархии и локальные порядки знания в экономике.....	543
Глава 21. А. Дмитриев, О. Запорожец. Дисциплинарный принцип и аналитика «общества знания»	569
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. А. Дмитриев.	600
ПРИЛОЖЕНИЕ. А. Момильяно. Древняя история и любители древностей (1950).....	604
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	649

*Памяти
Андрея Владимировича Полетаева
мы с благодарностью посвящаем эту книгу*

ВВЕДЕНИЕ

Дисциплинарные порядки

в гуманитарных и социальных науках

Эта книга посвящена дисциплинарности и разным формам ее реализации в развитии наук о человеке. Под дисциплинарностью мы понимаем характерную и устойчивую взаимосвязь определенной области знания (той или иной науки в ряду прочих), специфической образовательной ячейки (особого института, факультета или кафедры/департамента) и отдельной сферы занятий (некоторой академической профессии, специальности). Дисциплинарность может выступать и как *принцип* указанного соединения компонентов, и как определенный исторический и социальный *феномен*, характерный именно для современных обществ. Дисциплина при этом осознается как явление множественное: в отличие от мудрости, знания или науки вообще, каждая дисциплина никогда не тотальна, она партикулярна. Охватывая собственную, выделенную по особым характеристикам сферу, она всегда существует только в ряду прочих дисциплин.

Предлагаемая вниманию читателей монография — попытка общего описания эволюции разных отраслей знания именно как дисциплин, академических или университетских. Это подразумевает и анализ отдельных дисциплин на определенном отрезке их эволюции, и обращение к более систематическим проблемам дисциплинарного развития. Формат *дисциплинарного* устройства наук давно кажется представителям социогуманитарного знания первичным, или само собой разумеющимся: самоидентификация ученых, рубрикация книг и академической периодики, номенклатуры специальностей или набор университетских департаментов/факультетов привычно строятся в самых разных странах или сообществах по базовым блокам, соответствующим спискам наук, которые непременно включают философию, историю, науку о языке и т.д. Между тем правомочность и полнота этих списков не раз подвергались сомнению и ревизии (особенно с 1970-х годов), а сам дисциплинарный подход при более детальном рассмотрении, как будет продемонстрировано далее, обнаруживает свою историческую локализацию¹. Ведь, по мнению большинства исследо-

---

¹ Применительно к школьным «предметам» см.: *Chervel A. L'histoire des disciplines scolaires. Réflexions sur un domaine de recherche // Histoire de l'éducation. 1988. No. 38. P. 59–119; Goodson I.F. School Subjects and Curriculum Change. Case Studies in Curriculum History. L.: The Falmer Press, 1987; The Formation of School Subjects. The Struggle for Creating an American Institution / T.S. Popkewitz (ed.). L.: The Falmer Press, 1987 и обзор: Viñao A. Les disciplines scolaires dans l'historiographie européenne. Angleterre, France, Espagne // Histoire de l'éducation. 2010. No. 125. P. 73–98.*

вателей, он становится ключевым принципом организации науки не раньше первой половины XIX в.², а прежние системы дифференциации знания соотносятся со знакомым нам дисциплинарным делением лишь отдаленно. «Свободные искусства» Средневековья³ и исходное членение университета по факультетам⁴, специализация гуманистических штудий⁵ и само понятие *disciplina* (не имевшее поначалу явных ученых коннотаций⁶), а также многочисленные способы классификации знания, изобретения или переизобретения новых отдельных наук, особенно популярные в раннее Новое время, — все это было только предвосхищением нынешнего, *социально определенного* устройства «древа познания».

Дисциплины складываются в период так называемой второй научной революции в рамках университетов, благодаря системе специализации, работе семинариев и лабораторий⁷. Ведущей страной этого процесса в «долгом девятнадцатом веке» принято считать Германию⁸, хотя для Великобритании маркером дисциплинарного деления может считаться появление в 1810–1830-е годы университетских департаментов (помимо традиционных

---

² См.: History and the Disciplines. The Reclassification of Knowledge in Early Modern Europe / D.R. Kelley (ed.). Rochester, NY: The University of Rochester Press, 1997; Valenza R. Literature, Language, and the Rise of the Intellectual Disciplines in Britain, 1680–1820. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, а также статью руководителя авторского коллектива, подготовившего шеститомную историю Гумбольдтовского университета в Берлине к его 200-летию юбилею: Tenorth H.-E. Genese der Disziplinen — Die Konstitution der Universität. Zur Einleitung // Geschichte der Universität Unter den Linden. Bd. 4. Berlin: Akademie Verlag, 2010. S. 9–40.

³ См. сборник: The Seven Liberal Arts in the Middle Ages / D.L. Wagner (ed.). Bloomington: Indiana University Press, 1983 и известную статью: Weisheipl J. Classification of the Sciences in Medieval Thought // Mediaeval Studies. 1965. Vol. 27. P. 54–90.

⁴ Schneider J.H.J. Wissenschaftseinteilung und institutionelle Folgen // Philosophy and Learning. Universities in the Middle Ages / M.J.F.M. Hoenen, J.H.J. Schneider, G. Wieland (eds). Leiden; N.Y.; Köln, 1995. P. 63–121. О кантовском «споре факультетов», за которым еще, по сути, не стояло дисциплинарных различий, см. статьи Рикардо Поццо: Pozzo R. Kant's Streit der Fakultäten and Conditions at Königsberg // History of Universities. 2000. Vol. 16. P. 96–128; Pozzo R., Oberhausen M. The Place of Science in Kant's University // History of Science. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 353–368.

⁵ Grafton A., Jardine L. From Humanism to the Humanities. Education and the Liberal Arts in Fifteenth and Sixteenth-Century Europe. L.: Duckworth, 1986.

⁶ См.: Augustine and the Disciplines: From Cassiciacum to Confessions / K. Pollmann, M. Vessey (eds). Oxford: Oxford University Press, 2005.

⁷ Cohen I.B. Revolution in Science. Cambridge, MA.; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1985. P. 91–102.

⁸ О Берлинском университете начала 1810-х годов см.: Ziolkowski Th. Clio the Romantic Muse: Historizing the Faculties in Germany. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

колледжей или факультетов)⁹. Во Франции это была деятельность академий и специализированных высших школ¹⁰. И все же связь с прошлыми делениями знания и представление о традициях научного описания человеческого мира были и остаются до сих пор существенными — и потому нам представляется в книге особенно важным подчеркнуть исторические истоки дисциплинарности, нередко упускаемые из виду ее исследователями (в первую очередь теми, кто занят социальными, а не традиционными гуманитарными дисциплинами).

Сам выбор сюжета этой коллективной монографии нуждается, на наш взгляд, в некотором разъяснении. Почему именно феномен научной дисциплины и дисциплинарность как таковая заслуживают детального анализа? Каким этот анализ может и должен быть, и наконец, что это означает — думать о дисциплинарности здесь, в России, и сейчас, в начале XXI века? Эти вопросы, а главное, ответы на них важны не только для довольно узкого круга специалистов по истории или социологии науки. Тема дисциплинарности, объединившая авторов нашей книги, охватывает практически все стороны бытия науки, а не только внутренний ход ее развития, который был в центре внимания классического науковедения (от «Истории научных идей» Уильяма Уэвелла середины XIX в. до «Структуры научных революций» Томаса Куна)¹¹.

Главная особенность книги — соединение углубленного историко-научного анализа, опирающегося на классические работы по истории идей раннего Нового времени (в духе традиции Аби Варбурга или Арнальдо Момильяно), с социологическим подходом и новейшими достижениями историографии социальных наук. В горизонте социологии знания мы будем опираться на работы широкого исследовательского диапазона от известных трудов Фрица Рингера или Пьера Бурдьё до функционалистских исследований Нормана Сторера или Ричарда Уитли. В соответствии с этим в книге по-новому освещены вопросы преемственности в гуманитарных и соци-

⁹ *Burke P.* A Social History of Knowledge. Vol. I: From Gutenberg to Diderot. Cambridge: Polity, 2000. P. 91–92 (ch. 5: Classifying Knowledge: Curricula, Libraries and Encyclopaedias).

¹⁰ *Delmas C.* Instituer des savoirs d'État. L'Académie des sciences morales et politiques au XIXe siècle. P.: L'Harmattan, 2006; *Fox R.* The Savant and the State: Science and Cultural Politics in Nineteenth-Century France. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012.

¹¹ *Yeo R.* Defining Science: William Whewell, Natural Knowledge, and Public Debate in Early Victorian Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Snyder L.J.* Reforming Philosophy: A Victorian Debate on Science and Society. Chicago: University of Chicago Press, 2006. В материалах авторитетного сборника о Куне (Thomas Kuhn / Th. Nickles (ed.). Cambridge, U.K.; N.Y.: Cambridge University Press, 2003) показано, что в своих работах Кун при главном внимании к эпистемологии последовательно обращался и к проблематике практики, социальных порядков, концептуальной метафорики в науке, открывая новые пути ее понимания.

альных дисциплинах, перераспределение фундаментальных и прикладных областей, обмен идеями и концептуальными моделями между различными дисциплинарными и национальными академическими сообществами.

Нам представляется, что ведущим путем рефлексии проблем дисциплинарности в гуманитарном знании должен быть путь исторический, позволяющий увидеть, как складывались базовые представления о дисциплинах, их специфических методах, сфере анализа, формах соединения — и противопоставления — друг относительно друга. Именно этот ведущий исторический принцип будет реализован авторами монографии в рамках базовых науковедческих подходов: эпистемологического, социологического, включающего организационно-институциональный анализ, культурологического и антропологического (изучение дисциплинарных практик).

Во введении особое внимание будет уделено не только процессу разделения социогуманитарного знания на разные отрасли (и науки), но и более короткой истории осмысления самого принципа дисциплинарности. Однако начать этот обзор кажется целесообразно не *ab ovo*, от истоков, а с указания на ситуацию той самой современности, которая и формирует запрос на новые комплексные исследования дисциплинарного развития. Исходным пунктом здесь будет обращение к естественно-научным и социогуманитарным версиям реализации дисциплинарного принципа.

1. Дисциплинарность в науках о природе и науках о человеке

В отличие от наук о природе, науки о человеке (разные отрасли знания о человеческом мире, а также взаимосвязи между ними) куда реже становятся предметом целостного рассмотрения, которое бы одновременно учитывало действие исторических, социологических и эпистемологических факторов¹². Ведь наука как таковая (начиная с XIX в. и до сих пор) нередко по умолчанию ассоциируется с естествознанием, и большинство общих теорий научного развития, которыми мы располагаем на сегодняшний день, ориентированы именно на дисциплины природоведческие¹³.

---

¹² См. важные работы середины 1990-х годов об общем соотношении наук о природе и наук об обществе: *The Natural Sciences and the Social Sciences: Some Critical and Historical Perspectives* / I.B. Cohen (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993; *Cohen I.B. Some Contacts between the Natural Sciences and the Social Sciences*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1994.

¹³ *Dierse U. Das Begriffspaar Naturwissenschaft — Geisteswissenschaft bis zu Dilthey // Kultur verstehen. Zur Geschichte und Theorie der Geisteswissenschaften* / G. Kühne-Bertram, H.-U. Lessing, V. Steenblock (Hrsg.). Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003. S. 15–34; Hermann

Нужно также указать, что речь о науке и научности в современном мире заходит чаще всего в связи с англоязычным понятием *science*, которое отнюдь не всегда включает традиционный круг занятий гуманитариев (для общего обозначения которых нередко употребляется английское слово *scholarship*¹⁴). В смысле этой многоохватности наше понимание наук о человеке (*human and social science*) ближе к немецкому *Wissenschaft*, которое применяется и к естественным, и к гуманитарным наукам¹⁵ (а дисциплина как профессия передается по-немецки как *Fach*). Соответственно историко-филологическое знание, философия и т.д. в английском словоупотреблении передается также общим понятием *humanities* (близко к упомянутому выше *scholarship*)¹⁶. Стоит также учесть важную акцентировку в современном понимании *human sciences* — по аналогии с *social sciences* — именно *модерного* компонента, связанного с антропологией, социальной географией и важнейшей ролью психологии и наук о поведении (то же касается и французского *sciences de l'homme*)¹⁷. Для изучения дисциплинарности в гуманитарных науках, на наш взгляд, недостаточно простого переноса объяснительных моделей из опыта изучения наук естественных. Как учесть специфику и разнообразие знаний о человеке в перспективе анализа дисциплинаризации и выстроить обобщающий нарратив, избегая и соблазна мерить их меркой только «строгого знания», и разного рода редуccionиз-

---

von Helmholtz and the Foundations of Nineteenth-Century Science / D. Cahan (ed.). Berkeley: University of California Press, 1993; *Lenoir T.* Instituting Science: The Cultural Production of Scientific Disciplines. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997.

¹⁴ History of Scholarship: A Selection of Papers from the Seminar on the History of Scholarship Held Annually at the Warburg Institute / C.R. Ligota, J.-L. Quantin (eds). Oxford: Oxford University Press, 2006.

¹⁵ Это осознавалось уже в конце XVIII столетия: *Meyer A.* Von der Wahrheit zur Wahrscheinlichkeit: Die Wissenschaft vom Menschen in der schottischen und deutschen Aufklärung. Tübingen: Niemeyer, 2008. S. 46–50.

¹⁶ О генезисе современных представлений о «humanities», преимущественно в американском изводе, см.: *Harpham G.G.* The Humanities and the Dream of America. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

¹⁷ В XVIII и XIX вв. в Европе аналогом современных наук о человеке был комплекс моральных и политических наук; знаменитое немецкое понятие *Geisteswissenschaft* появилось в переводе (1849) «Системы логики» Дж.Ст. Милля (1842) именно как аналог *moral sciences* (и было позднее детально разработано у Дильтея в его «Введении в науки о духе» (1883)). См.: *Makkreel R., Luft S.* Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute Over the Status of the Human and Cultural Sciences // The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy / D. Moyal (ed.). L.: Routledge, 2010. P. 554–597; *Makkreel R.* The Emergence of the Human Sciences from the Moral Sciences // Cambridge History of Nineteenth-Century Philosophy / A. Wood, S.S. Hahn (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 293–322.

ма? Современная эпистемология науки должна принимать во внимание особенности концептуальной работы и типизации в различных гуманитарных областях, которые выступают также и средствами дисциплинарных разграничений и самоорганизации форм познания¹⁸.

Очень показательным, что сам дисциплинарный принцип организации знания далеко не сразу, а лишь примерно с 1990-х годов становится одной из ведущих тем современного науковедения. Как показывает история, базовые основания развития той или иной науки и научного знания в целом нечасто становятся предметом специального и детального рассмотрения. Эту закономерность (или парадокс) уже более полувека назад особо отметил Томас Кун, который в начале 1960-х отнес рефлексии над основаниями к периодам революционной смены парадигм, нарушающей привычный ход накопления знания в рамках «нормальной науки». В этом смысле изучение дисциплинарности как *формы институционализации знания* — по «нормальной модели» (исследовательская область — специальности — дисциплина), предложенной Норбертом Маллинзом и Ричардом Уитли еще в середине 1970-х годов¹⁹, — уже явно не позволяет охватить сложность современного и исторического деления наук о культуре или наук о природе (см. подробнее в заключительной главе монографии о социологических трактовках дисциплинарности).

Дисциплинарность, безусловно, является одним из таких фундаментальных принципов деления поля знания, в том числе социального и гуманитарного. Означает ли нынешнее обостренное внимание к дисциплинарности, что само развитие наук о человеке в XXI в. вступает в революционную стадию развития, период турбулентности и потрясения основ? Скорее, большинство оценок современной ситуации в гуманитаристике указывает на длительное теоретическое затишье, наступившее после периода обновления середины 1960 — начала 1980-х годов. Это нештатное (выходящее за рамки куновской модели) обострение рефлексии над базовыми принципами, в частности внимание к дисциплинарности, на достаточно стабильной фазе когнитивного развития дополнительно указывает на невозможность прямо-

---

¹⁸ Kellert S.H. Disciplinary Pluralism for Science Studies // Scientific Pluralism / S.H. Kellert, H.E. Longino, C.K. Waters (eds). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006. P. 215–230; Biagioli M. From Relativism to Contingentism // The Disunity of Science: Boundaries, Contexts, and Power / P. Galison (ed.). Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. P. 189–207.

¹⁹ Whitley R. Sociology of Scientific Developments // Perspectives in the Sociology of Science / S.S. Blume (ed.). Chichester: J. Wiley, 1977. P. 21–50; Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. М., 1980. С. 218–257; Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 257–282.

го проецирования закономерностей естествознания на эволюцию гуманитарных наук. Хотя, надо сказать, что сегодня внимание к дисциплинарности вырастает и в науках о природе, особенно после некоторого спада интереса к феномену поли- и трансдисциплинарности, к любому нарушению дисциплинарных границ — веянию, несомненно модному в 1990-е годы и в начале 2000-х годов²⁰. Очень важно, что сейчас тема проницаемости границ дисциплин (и даже разграничения науки и не-науки), которую еще 10 лет назад чаще всего истолковывали в антисциентистском или релятивистском ключе, начинает анализироваться как важный фактор поддержания и нового воспроизводства, переопределения этих границ в режиме «новой дисциплинарности» — уже в начале XXI в. (Терри Шинн²¹). А ведь еще 10–20 лет назад многим представлялось, что речь в данном случае идет скорее о феномене прошлого — о быстро устаревающей интеллектуальной практике, связанной с уже уходящими, стабильными и фиксированными формами организации знания. Однако после постмодернистского «натиска» культурных исследований ныне, во втором десятилетии XXI в., уже можно смело говорить о своеобразном ренессансе дисциплинарного принципа. Для конца 2000-х годов характерен рост интереса к феномену дисциплинарности в самых разных академических сообществах — в качестве примера достаточно указать на специальный номер авторитетного журнала «Critical Inquiry» (с участием Джудит Батлер, Марио Бьяджоли и других признанных авторов), французский сборник «Qu'est-ce qu'une discipline?», компаративный труд антиковеда Джеффри Эрнеста Ричарда Ллойда с анализом китайского материала²². Авторитетные отечественные исследования феномена дисциплинарности (А.П. Огурцов, Э.М. Мирский, Б.А. Старостин, М.К. Петров и др.)²³ публиковались еще с конца 1970-х годов и целиком ориентировались

²⁰ Главными работами были исследования Джулии Томпсон Клейн: *Klein J.T. Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice*. Detroit: Wayne State University Press, 1990; *Idem. Humanities, Culture, and Interdisciplinarity: The Changing American Academy*. Albany: State University of New York Press, 2005; см. также: *Repko A. Interdisciplinary Research: Process and Theory*. Thousand Oaks: SAGE, 2011.

²¹ *Marcovich A., Shinn T. Where Is Disciplinarity Going? Meeting on the Borderland*. Studies of Science and Technology // *Social Science Information*. 2011. No. 50 (3–4). P. 582–606.

²² *Critical Inquiry*. 2009. Summer. Vol. 35. No. 4. (рус. пер. одной из статей: *Пост П. Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение*. 2011. № 107. С. 12–31); *Qu'est-ce qu'une discipline?* / J. Boutier, J.-C. Passeron, J. Revel (eds). P., Éditions de L'ÉHESS, 2006; *Lloyd G.E.R. Disciplines in the Making: Cross-Cultural Perspectives on Elites, Learning and Innovation*. Oxford: Oxford University Press, 2009. Применительно к гуманитариям: *Marcus S. Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes Toward the History of an Idea // Daedalus*. 2006. Vol. 135. No. 2. P. 15–21; *Богданов К.А. Гуманитарий — где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // Новое литературное обозрение*. 2006. № 5. С. 18–29.

²³ *Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование*. М.: Наука, 1988.

на опыт западного науковедения времен расцвета структурно-функционалистской парадигмы (хотя и с учетом критики ее со стороны феноменологов или сторонников этнометодологических подходов). При этом в центре анализа оставались философско-методологические стороны познания, в первую очередь связанного с естественно-научными дисциплинами. Содержательные работы отечественных специалистов по методологии и философии науки, появившиеся в 2000-е годы (В.М. Розин, А.В. Юревич²⁴), в целом также не выходят за эти рамки.

При этом и для социологических изысканий (неважно, в традиции Роберта Мёртона, Пьера Бурдьё или программы Science and Technology Studies [STS]), и для историко-научного анализа образцом во многом остаются работы, выполненные на материале естествознания. Давние дебаты о двух культурах (сциентистской и гуманитарной) времен работы Чарльза Питера Сноу (1962) или недавние «научные войны» (в связи с критикой постмодернистских установок в науке после разоблачения «аферы Сокала») только подтверждают важность обращения специалистов по истории гуманитарного знания к компаративным аспектам становления современных наук о природе. Ведь осмысление разных социальных и гуманитарных наук на протяжении последних двух веков, несмотря на все усилия поборников герменевтических или субъектно-ориентированных подходов, выстраивалось именно с оглядкой на образцы, нормы и практики наук естественных²⁵. Эволюционистский подход к истории наук и дисциплин (понимаемых как изменчивые и конкурирующие биологические виды — у Дэвида Халла²⁶), рост когнитивных наук на стыке теорий информации и изучения коммуникации, обществознания, нейробиологии придают дебатам о дисциплинарности новый импульс, далеко уводя их за пределы давней дилеммы «внутреннего» или «внешнего» объяснения²⁷. Кроме того, начиная со времен Просвещения и романтизма, социогуманитарные дисциплины

---

²⁴ Наиболее показательна здесь коллективная монография: Наука глазами гуманитария / под ред. В.А. Лекторского. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

²⁵ *Burnett G.D. A View from the Bridge: The Two Cultures Debate, Its Legacy, and the History of Science // Daedalus. 1999. Vol. 128. No. 2. P. 193–218; Oexle O.G. Naturwissenschaft und Geschichtswissenschaft. Momente einer Problemgeschichte // Naturwissenschaft, Geisteswissenschaft, Kulturwissenschaft. Einheit — Gegensatz — Komplementarität / O.G. Oexle (Hrsg.). Göttingen, Wallstein-Verlag, 1998. S. 99–151.*

²⁶ *Hull D. Science as a Process: An Evolutionary Account of the Social and Conceptual Development of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1988.*

²⁷ *Schunn C.D., Crowley K., Okada T. Cognitive Science: Interdisciplinarity Now and Then // Interdisciplinary Collaboration: An Emerging Cognitive Science / S.J. Derry, C.D. Schunn, M.A. Gernsbacher (eds). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005. P. 287–315.*

оказываются связаны, с одной стороны, с естественными науками в целом как более успешными и «продвинутыми», а с другой стороны, с динамикой философии (и как одной из гуманитарных наук в кругу прочих, и одновременно — как общей сферы рефлексии эпистемологических и мировоззренческих оснований)²⁸.

Общая тенденция к «сциентизации» социогуманитарного знания, особенно в конце XX столетия, уравнивается или компенсируется обратным движением — укреплением фикционального момента, который связан с социальным воображением, фантазией и художественным творчеством (когда одна волна или очередной «поворот» в гуманитаристике действует не однолинейно, а накладывается на иные схожие тенденции²⁹). При этом понимание гуманитарных дисциплин как *искусств*, а не только наук, по известной формуле Art and Science, свидетельствует отнюдь не об их слабости или незрелости, но и об определенной гибкости в моменты кризиса общества или роста антисциентистских настроений³⁰. И в истории знания близость искусствоведения или филологии к новейшим художественным течениям (как в русском формализме, например) вполне сочетались с установками именно на научную инновацию — против застывшего академизма, что означало переопределение и укрепление, а не «сворачивание» или ликвидацию дисциплинарного принципа.

2. Современность и классика

Последовательно исторический подход и анализ не означает отказа от рациональной реконструкции содержательной общей логики движения разных дисциплин или даже всего поля знания о человеке. Неизбежный презентистский момент, необходимость принимать во внимание современный контекст развития и постановки той или иной научной проблемы не

²⁸ Galison P. Objectivity Is Romantic // Humanities and the Sciences / J. Friedman, P. Galison, S. Haack (eds). Washington: ACLS, 2000. P. 15–43; Veit-Brause I. Scientists and the Cultural Politics of Academic Disciplines in Late 19th-century Germany: Emil Du Bois-Reymond and the Controversy over the Role of the Cultural Sciences // History of the Human Sciences. 2001. Vol. 14. No. 4. P. 31–56.

²⁹ В современной социологии обращение к необходимости «воображения» актуально со времен Ч.Р. Миллса, но также релевантно и для классических текстов (сопоставление Макса Вебера и Томаса Манна, романа-репортажа и социологии Чикагской школы и т.д.). См.: Goldman H. Max Weber and Thomas Mann: Calling and the Shaping of the Self. Berkeley: University of California Press, 1988; Imaginative Methodologies in the Social Sciences: Creativity, Poetics and Rhetoric in Social Research / M.H. Jacobsen, M.S. Drake (eds). Farnham: Ashgate, 2014.

³⁰ Гумбрехт Х.У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 7–17.

должен, разумеется, сводиться к «вигскому» приоритету актуальных ценностей в процессе историописания (об опасности которого предупреждал в свое время Герберт Баттерфильд). К сожалению, отставание общеметодологической рефлексии гуманитарных наук (из-за господства догматического и вульгаризованного марксизма) сказалось и в том, что в отечественном науковедении дилемма «презентизм — антикваризм» была разработана еще в 1990-е годы только в плане историографии естествознания³¹. Но, как справедливо указывал в свое время А.В. Полетаев в книге о феномене гуманитарной классики, приоритет в этих разработках принадлежит Роберту Мёртону и с наибольшей полнотой эта дилемма была эксплицирована на примере анализа социальной теории³².

В различных версиях историографии наук о человеке реализовались обе эти логики. В социальном или экономическом знании отчетливее всего проявилась презентистская модель постижения своего академического прошлого³³, в то же время изучение традиционных гуманитарных штудий издавна выстраивалось согласно хронологической канве, как набор детально проработанных «кейсов»³⁴. В нашем исследовании эти подходы сопрягаются на основании принципа историзма, который не сводится только к набору разных и несоизмеримых контекстуалистских реконструкций про-

³¹ Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм — две картины прошлого // *Arbor Mundi*. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. М., 2009. Вып. 15. С. 164–196; Jardine N. Whigs and Stories: Herbert Butterfield and the Historiography of Science // *History of Science*. 2003. Vol. 41. P. 125–140.

³² Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. См. также: *Welz F. Zum Verhältnis von Geschichte und Systematik der soziologischen Theorie nach Robert K. Merton* // *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. Jg. 35. Nr. 3. S. 19–37.

³³ Для экономической науки ведущим остается подход «от современности», представленный, например, в известной работе Марка Блауга: *Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе* / пер. с англ. 4-е изд. М.: Дело ЛТД, 1994. См. спектр разнообразных путей анализа истории экономической мысли в сборнике: *Historians of Economics and Economic Thought: The Construction of Disciplinary Memory* / S. Medema, W. Samuels (eds). L.: Routledge, 2001. Для историографии социологии важной была реплика Р. Джонса (на примере рецензии Дюркгейма): *Jones R.A. On Understanding a Sociological Classic* // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83. P. 279–319. См. общий обзор: *Turner S. Defining a Discipline: Sociology and Its Philosophical Problems from Its Classics to 1945* // *Handbook of Philosophy of Anthropology and Sociology* / S. Turner, M. Risjord (eds). Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 3–69.

³⁴ Сюда входят и специфика античного наследия, и феномен медиевализма, и важность классики как идентификационного пункта для традиционных гуманитарных дисциплин. См.: *Disciplining Classics* // *Altertumswissenschaft als Beruf* / G.W. Most (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. S. 253–269; *Die modernen Väter der Antike. Die Entwicklung der Alttertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts* / C.G. King (Hrsg.). Berlin: de Gruyter, 2009.

шлого, но ориентирован на поиск и постижение общей логики развития социогуманитарного знания³⁵. Но это сопряжение нельзя реализовать без учета истории дисциплинарного принципа и опыта его рефлексии.

В ходе предпринятого коллективного исследования была подтверждена базовая идея А.В. Полетаева и И.М. Савельевой о необходимости выработки для многомерного анализа прошлой социальной реальности *своего набора* социальных и гуманитарных дисциплин (точнее, аналитических подходов) для каждой из крупных исторических эпох, по крайней мере в европейской истории — для древности, Средневековья и модерна. Более того, речь идет не просто о наших современных дисциплинах (сложившихся в XIX–XX вв.), «приспосабливаемых» под раскрытие внутренней специфики минувшего, ибо такое приспособление на деле подразумевает серьезную внутреннюю ценностную и методологическую перестройку и самих дисциплин, и их общего поля. «Исторический поворот» в социальных науках последних десятилетий демонстрирует важность диахронной перспективы видения и предмета и метода для разных дисциплин в поле наук о человеке³⁶.

Эта историцистская переориентация и усложнение современного аналитического инструментария подразумевает также обращение к тем познавательным комплексам и структурам социального самопознания и самопредставления, которые были выработаны, например, в XVII столетии или в период романтизма. Комплексы прошлых научных и социальных идей — не просто предыстория мысли, которую можно заключить в скобки, они действительны и за пределами своих собственных эпох. Особенно это касается, во-первых, востребованности в разные периоды XX и в начале XXI столетий классических методологических и философских работ раннего Нового времени (например, Декарта, Вико или Гоббса), во-вторых, актуальности историко-научного самосознания для развития конкретных социогуманитарных дисциплин³⁷.

³⁵ О необходимости «умеренного» и рефлексивного презентизма для истории идей и истории науки убедительно писал Карлос Шпёрхазе: *Spoerhase C. Presentism and Precursorship in Intellectual History // Culture, Theory and Critique. 2008. Vol. 49. No. 1. P. 49–72.*

³⁶ См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1997. О рождении термина «социальные науки» см.: Head B. The Origins of 'La Science Sociale' in France, 1770–1800 // Australian Journal of French Studies. 1982. Vol. 19. P. 115–132; Wokler R. Ideology and the Origins of Social Science // The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought / M. Goldie, R. Wokler (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 688–710.*

³⁷ Ср. показательный и отрефлексированный «двойной» интерес австралийского ученого Иэна Хантера и к истории гуманитарной теории второй половины XX в., и к эпохе Просвещения (промежуточным пунктом размышлений становится расхождение неокантианства и феноменологии в 1910–1920-е годы): *Hunter I. Rival Enlightenments: Civil and Metaphysical Philosophy in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Idem. The History of Theory // Critical Inquiry. 2006. Vol. 32. No. 4. P. 78–112; Idem. Scenes from the History of Poststructuralism: Davos, Freiburg, Baltimore, Leipzig // New Literary History. 2010. Vol. 41. P. 491–516.*

Эти параллельные течения — видоизменения научной классики и историко-дисциплинарная рефлексия³⁸, анализируемая в данном коллективном труде, — дополнительно закрепляют порой кажущиеся «неустойчивыми» гуманитарные дисциплины. Именно поэтому для нас важна преемственность нашей монографии с предыдущими исследованиями Института гуманитарных историко-теоретических исследований, посвященными феномену классики и в гуманитарных, и в социальных науках³⁹. Учет диахронного измерения в эволюции социогуманитарного знания важен для реализации нашего замысла, поскольку дает возможность рассматривать динамику разных наук в их содержательных пересечениях и на общих институциональных площадках (например, в рамках университета эпохи Просвещения или в советской академической системе). Это во многом позволяет избежать эклектики и погони за едва достижимой полнотой описания, когда в жанре энциклопедических очерков разные дисциплинарные истории с их шаблонами и стереотипами непроблематично соплагаются друг рядом с другом (к истории философии механически добавляется история исторической науки, затем следует история социологии, история психологии и т.д.⁴⁰). Искомый синтез не может быть абсолютно нейтральным или симметричным, выстроенным в неких искусственно заданных науковедческих координатах, абстрагированных от эволюции как конкретных дисциплин, так и общенаучной или философской рефлексии. Ведь и сам разговор о дисциплинарности неизбежно разворачивается на том или ином специализированном, уже дисциплинарном языке, в зависимости от выбранного ракурса или самоидентификации исследователя — специалист по методологии науки (читай — естествознания) или философии знания, историк или антрополог обычно рассуждают о критериях и факторах дисциплинарного развития в «своих» понятийных категориях. Традиционно в качестве ведущих конструктивных принципов развития дисциплины выделяются, с одной

³⁸ См. ее очерк на примере филологии: *Hummel P. Histoire de l'histoire de la philologie: étude d'un genre épistémologique et bibliographique*. Genève: Droz, 2000.

³⁹ Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. Классическое наследие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

⁴⁰ Примеры удачного синтеза, в домене немецкоязычной историографии: *Kultur und Kulturwissenschaften um 1900. Krise der Moderne und Glaube an die Wissenschaft* / R. vom Bruch, F.W. Graf, G. Hübingen (Hrsg.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989; *Kultur und Kulturwissenschaften um 1900 II: Idealismus und Positivismus*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997, применительно к экономике и юриспруденции — *Deutsche Geisteswissenschaften zwischen Kaiserreich und Republik. Zur Entwicklung von Nationalökonomie, Rechtswissenschaft und Sozialwissenschaft im 20. Jahrhundert* / B. Schefold, K. W. Nörr, F. Tenbruck (Hrsg.). Stuttgart: Steiner, 1994; *Kersten J. Georg Jellinek und die klassische Staatslehre*. Tübingen: Mohr-Siebeck, 2000; *Krise des Historismus, Krise der Wirklichkeit: Wissenschaft, Kunst und Literatur 1880–1932* / O.G. Oexle (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007; *Glaeser J. Der Werturteilsstreit in der deutschen Nationalökonomie: Max Weber, Werner Sombart und die Ideale der Sozialpolitik*. Weimar: Metropolis-Verlag, 2014.

стороны, *когнитивная, содержательная сторона* ее эволюции (парадигмальные установки, специфика метода и подхода, присущие той или иной области знания) — ее изучают, скорее всего, специалисты по истории или эпистемологии науки от неокантианцев до критиков и сторонников Томаса Куна или Имре Лакатоса⁴¹. *Институциональные рамки* (номенклатура университетских подразделений, академических кафедр, квалификационных и коммуникативных ячеек) является предметом занятий историков науки и образования, но в первую очередь — социологов, так или иначе связанных с традициями Роберта Мёртона или Пьера Бурдьё⁴². Одной из активно исследуемых в последние десятилетия сторон развития науки является опосредующая сфера особых, отличительных и устойчивых *исследовательских практик*, ассоциируемых именно с той или иной дисциплиной. Процессы дифференциации специфических способов деятельности в той или иной науке, техник изучения именно «своего» материала исследует социология науки, ориентированная на антропологические методы описания (здесь выделяют признанные уже классическими работы конца 1970 — середины 1980-х годов — книги Бруно Латура и Стива Вулгара о «лабораторной жизни» и Карин Кнорр-Цетины о выработке [manufacturing] научного знания)⁴³. Но и более новые обобщающие работы по истории наук о человеке отчетливо тяготеют к дисциплинарной идентичности их авторов — в случае Дональда Левине это социология⁴⁴, в самой обстоятельной книге об эволюции human sciences явно сказывается психологическая специальность Роджера Смита⁴⁵, работа Брюса Мазлиша о «неточных науках»⁴⁶ написана именно историком, а вышедшая недавно по-английски монография голландского лингвиста Ренса Бода⁴⁷, соответственно, отражает его интерес к знаковым системам, музыкологии, способам письма, риторике и коммуникации.

⁴¹ См.: *Collini St.* “Disciplinary History” and “Intellectual History”: Reflections on the Historiography of the Social Sciences in Britain and France // *Revue de synthese*. 1988. Vol. 3. No. 4. P. 387–399.

⁴² См., например: *Pour une histoire des sciences sociales: hommage à Pierre Bourdieu* / J. Heilbron, R. Lenoir, G. Sapiro (eds). P.: Fayard, 2004.

⁴³ *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979; *Knorr-Cetina K.D.* The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford: Pergamon Press, 1981.

⁴⁴ *Levine D.N.* Visions of the Sociological Tradition. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1995.

⁴⁵ *Smith R.* The Fontana History of the Human Sciences. L.: Fontana, 1997.

⁴⁶ *Mazlish B.* The Uncertain Sciences. New Haven: Yale University Press, 1998.

⁴⁷ *Bod R.* A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns from Antiquity to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2013. См. также первый том из готовящегося трехтомника (второй том вышел в 2012 г.): *The Making of the Humanities. Vol. I: The Humanities in Early Modern Europe* / R. Bod, J. Maat, T. Weststeijn (eds). Amsterdam, 2010.

3. Дисциплины в их истории: проблема периодизации

Существует несколько способов описания хронологии гуманитарных и социальных наук, включая работы по динамике разных национальных научных сообществ. Нас интересовала не история отдельных наук как таковая (часто отсчитываемая с античности), но развитие их в качестве дисциплин, в соотношении и взаимодействии друг с другом. А это существенно меняет и акценты стандартного историко-научного исследования, и привычную периодизацию, подразумевает плюрализм потенциальных картин прошлого. Вслед за авторитетным исследователем истории социальной теории Йоханом Хейлброном⁴⁸, описывающим режимы дисциплинарности на основе идей Бурдьё, отметим три базовых этапа развития современных наук о человеке — как «классических» (филология, история), так и «новых», вроде социологии или психологии.

1. Это «эпоха водораздела» (*Sattelzeit* — по Козеллеку), 1750–1850 гг., когда происходит становление исходных постулатов дисциплинарного развития в основных отраслях науки о человеке. Наследие классического века⁴⁹, просветительские рационалистические доктрины о «человеческой природе» и эмпирическом разнообразии нравов, а также романтический подход (Гердер) с элементами историцистского мышления — приложение этих общих познавательных установок к разнообразному конкретному материалу дало возможность реализоваться специализированной учености в университетах и академиях Европы, Америки и России. Постулирование научности нового знания о человеке (в отличие от традиционного «знаточества», прежней любительской деятельности обществ и ассоциаций), расширение и специализация поля исследований, обращение к статистическим и географическим данным — все это позволило выстраивать ландшафт знаний о человеке уже по определенным кластерам⁵⁰. Особенно значимым было распространение специализации и профессиональной модели в системе высшего образования, благодаря рецепции реформ Гумбольдта и схожих

---

⁴⁸ *Heilbron J.* A Regime of Disciplines: Towards a Historical Sociology of Disciplinary Knowledge // *The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in a Postdisciplinary Age* / C. Camic, H. Joas (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 23–42.

⁴⁹ *Boer den P.* Neohumanism: Concepts, Ideas, Identities, Identification // *The Impact of Classical Greece on European and National Identities* / M. Haagsma, W. den Boer, E. Moormann (eds). Amsterdam: Gieben, 2003.

⁵⁰ *Diemer A.* Die Begründung des Wissenschaftscharakters der Wissenschaft im 19. Jahrhundert: die Wissenschaftstheorie zwischen klassischer und moderner Wissenschaftskonzeption // *Beiträge zur Entwicklung der Wissenschaftstheorie im 19. Jahrhundert: Vorträge und Diskussionen im Dezember 1965 und 1966 in Düsseldorf*. Meisenheim am Glan: Hain, 1968. S. 3–62.

новаций в европейских странах⁵¹. Первенство в деле дисциплинаризации принадлежит скорее историко-филологическим дисциплинам (в частности, благодаря системе семинаров)⁵². Именно тогда формируются словари ключевых понятий современных дисциплин, складывается представление о взаимном соответствии между теми или иными отраслями знания и факультетами, академическими кафедрами и определенными профессиональными сообществами. Социология (и психология, понятая как продолжение физиологии) отделяются — под знаком позитивизма — от прежних наук о человеке и начинают им противостоять, постепенно обретая признание и на институциональном уровне⁵³.

2. 1890–1920-е годы — период интенсивного онаучивания и модернистских импульсов, оказавших влияние на формирование главных исследовательских программ в поле наук о человеке⁵⁴. Новые социальные науки (социология и наука о политике), экономика, широко использующая математические модели, и экспериментальная психология укрепляют свой методологический статус и публичный престиж — что приводит к созданию новых департаментов и факультетов или переориентации уже существующих. Рубеж веков ознаменовался конфликтами (правда, скорее идеологическими, чем дисциплинарными) между сторонниками традиционной гуманитарной учености и приверженцами новых, «точных» стратегий в науках о человеке; особенной возмутительницей спокойствия была именно социология, как правило, связанная с прогрессистскими общественными тенденциями и политическими движениями⁵⁵. Добавим — это было и время кризиса, особенно после Первой мировой войны, и неокантианского иде-

⁵¹ См.: Humboldt International. *Der Export des deutschen Universitaetsmodells im 19. und 20. Jahrhundert* / R.Ch. Schwinges (Hrsg.). Basel: Schwabe, 2001.

⁵² См. материалы блока по истории филологии первой половины XIX в. в: Новое литературное обозрение. 2006. № 82 (ст. М. Эспаня, Р.Ст. Тёрнера и Э. Графтона).

⁵³ См.: Plé B. *Die "Welt" aus den Wissenschaften. Der Positivismus in Frankreich, England und Italien von 1848 bis ins zweite Jahrzehnt des 20. Jahrhunderts. Eine wissenssoziologische Studie.* Stuttgart: Klett-Cotta, 1996; Schneider C.M. *Wilhelm Wundts Völkerpsychologie: Entstehung und Entwicklung eines in Vergessenheit geratenen, wissenschaftshistorisch relevanten Fachgebietes.* Bonn: Bouvier, 1990; в интернациональном масштабе: Fuchs E. *English Positivism and German Historicism: The Reception of "Scientific History" in Germany // British and German Historiography 1750–1950. Traditions, Perceptions, and Transfers* / B. Stuchtey, P. Wende (eds). Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 229–250.

⁵⁴ *Modernist Impulses in the Human Sciences, 1870–1930* / D. Ross (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994; *Disciplinary at the Fin de Siecle* / A. Anderson, J. Valente (eds). Princeton, 2001.

⁵⁵ См. французский пример: Clark T.N. *Prophets and Patrons: The French University and the Emergence of the Social Sciences.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973. P. 186–194.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru